

Злата Хитрова

НАСЛЕДНИК
с разбитым сердцем.
Я поставлю диагноз!

Злата Хитрова

**Наследник с разбитым
сердцем. Я поставлю диагноз!**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Наследник с разбитым сердцем. Я поставлю диагноз! /

З. Хитрова — «Автор», 2026

Я всего лишь забыла ручку в ординаторской. И услышала, как сын декана признаётся в подделке медицинской статистики. Марк Дорн мог уничтожить моё будущее одним коротким звонком. Вместо этого он сделал это публично: объявил меня мошенницей, лишил практики и крыши над головой. А потом предложил сделку. Я стану его ассистенткой, а он вернёт мне стипендию. Я ненавижу его. Особенно теперь, когда знаю: за безупречной улыбкой Марк скрывает болезнь, которую не могут победить деньги его семьи. Но когда мою научную работу присваивают, он снова выбирает сторону всех врагов. Смогу ли я разоблачить его ложь, не разрушив человека, которого вопреки всему начинаю любить?

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Злата Хитрова

Наследник с разбитым сердцем. Я поставлю диагноз!

Глава 1

Из-за ручки. Если потом кто-нибудь спросит, с чего всё началось, мне придётся ответить: из-за синей гелевой ручки за двадцать восемь рублей. Я забыла её в ординаторской после смены, а другую покупать не хотела. До стипендии ещё десять дней. У нас в академии Святого Августина об этом лучше было не говорить: однокурсницы обсуждали, какой чехол заказать к новому телефону, и я прятала свой треснувший экран в ладонь. Халат с распродажи пережил уже три года; на манжете распускалась нитка. Её я заправила внутрь, прежде чем войти. Привычка — убрать всё, к чему можно придраться.

Подошва скрипнула на стыке линолеума. Я подняла ногу, проверила, не отклеилась ли опять. Из ординаторской доносился голос декана. Развернуться бы сразу. Нет, мне понадобилось заглянуть за дверь: вдруг ручка на краю стола, можно забрать и уйти.

Лампа над столом гудела. Между стопками анализов торчал синий колпачок — моя ручка нашлась. Рядом сидел Марк Дорн, и я перестала на неё смотреть. Марка знали даже те, кто ни разу не приходил на практику: сын декана, капитан хирургической группы, фамилия на полковине объявлений. Он мог входить в кабинет отца без стука. Я должна была попросить разрешения даже забрать собственный блокнот. Декан сидел сбоку от него, придерживая пальцем строку в распечатке.

— ...статистика выживаемости за третий квартал выглядит подозрительно ровной, Марк, — декан провёл ногтем по строке. — Если комиссия заметит аномалию в твоих данных по пациентам группы Б...

— Они не заметят, папа, — перебил Марк. Он откинулся на спинку стула, будто речь шла об исправленной опечатке. — Я просто «подчистил» шум. Убрал те смерти, которые портили рейтинг факультета. Для науки это статистическая погрешность. Для нас — гарантия финансирования.

Я посмотрела на папки. У каждой — фамилия на корешке. В сводной таблице, которую мы разбирали на практике, умершие пациенты тоже имели фамилии, возраст, дату операции. Марк называл их «шумом». Хотелось переспросить: убрал куда? Из таблицы? Совсем? Но я уже услышала ответ. Финансирование. Ради него эти люди теперь должны были числиться выжившими.

Я перенесла вес на другую ногу. Пол скрипнул снова; декан отнял палец от бумаги.

Марк повернулся. Сначала посмотрел на лицо, потом на руки: нет ли телефона. Я даже раскрыла ладони — зачем, сама не знаю. Декан сдвинул распечатку к сыну и поднялся. Мне показалось, он сейчас спросит фамилию. Но он прошёл через заднюю дверь, не сказав ни слова. Щёлкнула ручка, и я осталась с Марком.

— Ты здесь давно? — спросил Марк. Он ещё сидел. Я держалась за дверной косяк; до коридора оставалось полшага.

— Я... искала туалет, — начала я и осеклась. Из всех мест надо было назвать именно туалет. Я ведь работала на этом этаже и прекрасно знала, где он. Марк посмотрел на синий колпачок между папками.

Он встал, отодвинув стул коленом. Я попробовала обойти его к двери, но он занял проход. Теперь пришлось смотреть снизу вверх. От воротника пахло табаком и одеколоном; на манжете

остался след антисептика. Я раньше замечала его руки только на практике. Лучше бы так и осталось.

— Туалет находится слева, Верес, — он произнёс мою фамилию почти заботливо. — А ты стоишь посреди запретной зоны. Почему?

Я попыталась отступить, но моя спина упёрлась в стену. Марк навис надо мной, блокируя единственный выход. Его рука метнулась вперед, схватив меня за запястье. Пальцы сомкнулись с такой силой, что кожа побледнела вокруг костяшек. Боль прострелила до локтя. Свободную руку я прижала ко рту, боясь закричать.

— Отпусти! — прошипела я сквозь зубы, пытаясь вырваться. — Это незаконное применение силы!

— Незаконное? — он усмехнулся, прижимая меня спиной к холодной стене так плотно, что я почувствовала каждый нерв. Он наклонился к уху. Я отвернула голову, но стена не позволила отодвинуться. — Посмотри на себя, Алиса. Твои туфли стоят меньше, чем один мой носок. Твой халат пахнет дешевым стиральным порошком и страхом. Ты грязная крыса, которая думает, что может слушать разговоры королей.

Он сжал пальцы сильнее, и я вскрикнула, хотя звук получился сдавленным.

— Если ты хоть пикнешь... — начал он, но в этот момент в дверь постучали. Три коротких, властных удара.

Марк разжал пальцы и разгладил мой рукав над красными следами. Потом положил ладонь на плечо. Со стороны — придержал растерянную студентку. Я попыталась сбросить его руку, а большой палец нажал у основания шеи. «Стой», — поняла я без слов.

— Входите, — позвал он громко, звонко.

Дверь открылась. Вошла Кира Славина. В приёмной декана её отца всегда встречали лично: он спонсировал нашу лабораторию. За Кирой набилось ещё несколько человек. Один вытянул шею, чтобы увидеть меня из-за её плеча; второй уже держал телефон. Кира остановилась, её взгляд скользнул по Марку, а затем упал на меня. Я дрожала, бледная, с покрасневшим запястьем, которое я прятала за спиной.

— Что, крыса из подвала снова потерялась? — Кира хмыкнула, поправляя идеальную прядь волос. Она улыбнулась студенту с телефоном, проверяя, успел ли он включить камеру. — Или ты наконец-то нашла себе место, где можно присосаться к сильному?

У меня чесался язык: спросите его, куда он дел умерших из отчёта. Посмотрите на запястье, наконец! Я сдвинула рукав, но Кира следила за Марком, а парень с телефоном — за Кирой. Ни одного лица, к которому можно обратиться. Только готовая запись, где я испуганно стою под рукой Дорна. Они выберут из неё то, что им нравится.

Марк холодно усмехнулся, не убирая руки с моего плеча.

— Не трогай её, Кира, — сказал он спокойно. — Она слишком грязная, чтобы марать твои перчатки.

Кто-то прыснул. Парень у двери повторил вполголоса: «Грязная». Я опустила взгляд на халат — чистый, утром выстиранный. Зацепилась за это, чтобы не разреветься при камере. Кира тоже была в белом; нас отличали не пятна на ткани. Их не было.

Кира удовлетворенно кивнула, забрала стопку результатов анализов и вышла, увлекая за собой свиту. За дверью ещё раз засмеялись. Я дождалась, когда шаги отойдут от кабинета.

Марк дождался, пока они отойдут от двери. Теперь он снова смотрел на меня так, как до стука.

— Ты поняла правила игры, Верес? — спросил он тихо.

Я осторожно повернула плечо под его рукой. Больно. Зато рука наконец соскользнула. Поднять голову удалось не сразу: челюсть свело, и я боялась, что первое слово опять выйдет писком.

— Я запомню каждое слово, — прошептала я.

Марк склонился ниже, почти касаясь губами моего виска. Его дыхание обожгло кожу.

— Если ты хоть кому-то проболтаешься про цифры, — произнес он четко, артикулируя каждую букву, — я сделаю так, что тебя выгонят не только из академии, но и из города. Ты будешь мыть полы в той самой клинике, где я оперирую. И никто не узнает твоего имени. Никогда.

Он выпрямился, поправил манжету рубашки и отвернулся, делая вид, что читает документ на столе. Я вылетела из ординаторской, едва не сбив кого-то на ходу. До окна дошла, прижимая руку к животу. На подоконнике стоял чужой недопитый кофе. Мне захотелось пить так сильно, что я чуть не взяла стакан.

И тут я наткнулась на преподавателя этики профессора Громова. Он стоял у окна, наблюдая за мной. Громов смотрел на мой рукав. Я поспешно натянула его на запястье. Когда вошла Кира, дверь стояла открытой. Громов мог видеть и его руку на моём плече, и смеющийся курс.

— Студентка Верес, — начал он, доставая блокнот. — Мне нужно будет составить докладную о непристойном поведении...

Непристойном. Я проверила пуговицы халата — все застёгнуты. Что он туда запишет? Что я стояла слишком близко к Марку? Я раскрыла рот, чтобы объяснить, но за спиной уже открылась дверь ординаторской.

— Профессор, — голос Марка раздался позади меня. Он вышел из кабинета, на ходу убирая телефон в карман. — Мы обсуждали сложный клинический случай. Алиса перегружена эмоциями из-за давления практики. Оставьте её в покое.

Громов замешкался, глядя на Марка, потом на меня. Громов задержал карандаш над блокнотом. Я ждала, что он хотя бы спросит меня. Преподаватель кивнул, пряча блокнот, и удалился.

Марк посмотрел на меня сверху вниз. Он дождался, пока Громов уйдёт, и проверил, где мой телефон. Докладная остановилась по его слову, даже не по просьбе. Он уже знал мою фамилию. Мог остановить докладную — и мог дать ей ход, если я попытаюсь рассказать про отчёт. Ручка так и осталась на столе. Чёрт бы её побрал.

У лестницы я всё-таки остановилась. Запястье уже распухало; кольцо из красных следов не спрятать даже поворотом руки. В кармане халата лежал мой старенький телефон с треснутым экраном. Внезапно он завибрировал. Одно уведомление. От неизвестного номера.

«Не. Звони. Моему. Изгою.»

Я уставилась на странные слова, не понимая смысла. Я никому не звонила. Кто-то уже делил меня и Марка на «моё» и «чужое», хотя я хотела только забрать ручку и уйти.

На улице я обернулась. Марк стоял у окна второго этажа. С такого расстояния я не могла разглядеть его лица, но от стекла он не отступил, пока я не свернула за угол.

Глава 2

На следующей перемене я решила подождать у лестницы, пока поток пройдёт в аудиторию. Среди последних можно сесть у двери, не протискиваясь мимо Киры. Марк подошёл со спины. Я успела повернуться — он схватил обе руки, попал как раз по утренним следам. Сумка ударилась о перила. — Больно! Он даже не посмотрел на запястья. Держал их вместе, будто я собиралась убежать без рук.

— Отпусти, — прошипела я, дёргаясь назад.

Он развернул меня к аудитории №304. Я упиралась каблуками; один всё время проskalзывал. Из сумки торчала тетрадь, и я боялась её потерять — совершенно нелепый страх, когда тебя тащат мимо всего курса. Марк шёл быстро. Если посмотреть только на него, можно решить, что мы опаздываем на лекцию. Только тетрадь болталась и мои туфли скребли пол.

Я поискала глазами преподавателя. У расписания стояли две девушки из нашей группы; одна отвернулась, вторая отступила, освобождая Марку дорогу. «Помогите» у меня не вышло. Они ещё утром слышали, как он называл меня грязной, и даже не удивились. Я выдернула одну руку, но он перехватил её ближе к локтю. — Самой идти не разрешишь? — спросила я. Он толкнул дверь аудиторного зала.

Лекция уже началась. Декан показывал тростью границу фасциального футляра бедра. На экране — привычный рисунок из атласа; я даже вспомнила, какой вопрос он обычно задаёт к нему. Это длилось секунду. Затем трость опустилась, и все повернулись к двери. Декан посмотрел на руку сына, удерживающую меня, но замечание сделал только о прерванной лекции.

— Марк, мы обсуждаем...

Марк не дал ему закончить. Толкнул между лопаток, и я не успела переставить ногу через ступеньку у кафедры. Ударилась коленями, выронила сумку. Из неё выскользнула тетрадь. На секунду я потянулась к тетради — поднять, убрать, сделать вид, что просто споткнулась. Марк встал рядом и обратился к залу.

На лекции сидел весь поток, около сотни человек. С места у кафедры я видела только первый ряд. Кира положила подбородок на пальцы и устроилась удобнее.

— Внимание потока, — голос Марка разнёсся без микрофона, резкий и властный. — У нас тут маленькая демонстрация этики студента-стипендиата.

Марк замолчал, ожидая реакции. Кира рассмеялась ещё до его следующей фразы. Поправила чёлку, наклонилась к соседке. Мне было видно, как та зажала рот ладонью. Они готовились смеяться вдвоём.

— Господи, Марк, это она? Та самая «гений» из глубинки? — Кира ткнула пальцем в мою сторону. — Ты видишь эти туфли? Подошва стерта до дыр. И запах... Чувствуете этот сладковато-химический душок дешёвого мыла? Это запах нищеты, детка. Тебе не место здесь.

Сзади тоже засмеялись. Я различила чей-то знакомый голос и перестала слушать. Из линолеума у кафедры торчала маленькая шляпка гвоздя. Смотрела на неё, пока не удалось заставить колени согнуться. Ни декан, ни Марк не предложили подняться. Кира всё ещё ждала моего ответа про запах мыла. Мыло было обычным. С детским зайцем на упаковке. Мне ужасно захотелось сказать это вслух — и стало стыдно за такое желание.

Марк достал телефон. Экран засветился в полумраке аудитории.

— Алиса Верес, — произнёс он. Он дождался, пока разговоры в последнем ряду стихнут. — Запись с диктофона. Слушайте внимательно.

Динамик сначала трещал. Потом прозвучала фраза моим голосом. На слове «пациента» я узнала свою манеру тянуть гласную, а дальше интонация ломалась, совсем чужая. Я такое не произносила. Но они ведь меня не слушали на практике — им хватит и этого сходства.

«...данные пациента можно подправить, если комиссия не заметит разницы в цифрах. Балл важнее совести...»

Я посмотрела на его телефон. Если забрать, можно переслушать, найти место склейки, попросить проверить файл. Рука сама потянулась к экрану. Марк отдёргнул его и повернул ко мне спиной. — Покажи запись целиком! С последнего ряда свистнули. Декан постучал тростью по краю кафедры.

— Ложь! — выдохнула я. Получилось громче, чем я хотела. Зато это услышали даже сзади.

Марк повернулся к отцу, не выключая экран. А я осталась с вытянутой рукой — перед всем потоком.

Декан снял очки и стал протирать правую линзу. Я ждала хоть какого-нибудь вопроса: где записано, когда, кто присутствовал. Он надел очки обратно. Запись его устраивала.

— Алиса Верес, — начал он, и его бас гремел в стенах. — Вы обвиняетесь в попытке фальсификации медицинских данных и нарушении профессиональной этики. До решения комиссии вы отстраняетесь от практики. Ваше место в общежитии также подлежит пересмотру.

Я попыталась подняться, ухватившись за край кафедры. Лак скользил под пальцами; пришлось снова опуститься на колени. Без практики я не закрою семестр. Без стипендии нечем платить за еду. Я выстроила последствия в порядке, как в клинической задаче, и сбилась на общежитии. Куда девать вещи? На этот вопрос в задачнике ответа не было.

Марк убирал телефон в карман. Всё, закончил. Мне хотелось вцепиться в этот карман, заставить включить запись снова, но он уже смотрел на экран с анатомией. Будто можно продолжать лекцию, пока я сижу у его ног.

Молча, дрожащими руками, я расстегнула пуговицы белого халата. Сняла его. Аккуратно, стараясь не дать себе расплакаться, сложила поверх сумки. На рукаве осталась меловая пыль. Я смахнула её — глупо, бесполезно, но хотя бы это ещё могла сделать сама.

Смех усилился. Кто-то начал аплодировать. Хлопали в первом ряду, с паузами, чтобы я успела повернуть голову.

Я встала. На правом колене ткань прилипла к ссадине. Пришлось разгибать ногу осторожно. Медленно, шаг за шагом, к выходу, подхватив сумку с халатом. За дверью я слышала последние слова из аудитории: «Слышала? Она пыталась шантажировать Дорна...», «Говорили же, она странная...», «Её теперь выгонят...».

У туалета остановилась: мутило, пришлось прижать лоб к прохладной плитке. Потом вошла внутрь, захлопнула дверь и заперлась в крайней кабинке.

В кабинке я села на пол, поставила сумку перед собой. На ней всё ещё лежал сложенный халат. Заплакала, уткнувшись в рукав кофты, и старалась не шуметь: вдруг кто-то войдёт и узнает. Хотелось набрать домой. Только что сказать? Мам, я больше не буду врачом, потому что сын декана включил запись, а я не смогла её отобрать? Я даже не открыла телефон. Уперлась локтями в колени и опять расплакалась, уже от боли в ссадине.

Стук в дверь. Три удара. Я узнала этот ритм: так Кира стучала утром.

Я прикусила рукав и замерла. Если она, сейчас будут снимать через щель.

Сначала щёлкнул замок внешней двери. Потом Марк дёрнул дверь кабинки. Хлипкий шпингалет выскочил из паза, и он встал на пороге. Я поджала ноги. Он загородил собой и дверь, и полоску света над полом.

Я придвинула сумку к животу. Если он ударит, пусть попадёт в неё. И сразу разозлилась на себя: сумка от удара не защитит. Встать было страшнее, чем сидеть.

Но Марк не бил. Он не смеялся.

Он молча подошёл ближе. Его ботинки остановились у моих подогнутых ног. Я подняла глаза, ожидая увидеть презрение. Он смотрел на мокрый рукав у моего рта. Я поспешно опустила руку.

Он протянул руку. В пальцах лежал носовой платок. Белый, льняной, с вышитыми инициалами «М.Д.». Он пах сигаретным дымом, дорогим парфюмом и резким антисептиком.

Я не взяла.

Марк бросил платок мне на колени.

— Ты слишком громко плачешь для человека, которого только что сломали, — сказал он. Приходилось вслушиваться, и меня злило, что я наклоняюсь к нему после всего, что он сделал. — Либо ты слабая, либо ты играешь роль. Мне нужны сильные.

Я моргнула, слёзы всё ещё текли по щекам. Играю роль? Я посмотрела на тёмные пятна от слёз на рукаве. Чтобы так «играть», хватило бы одного его толчка перед кафедрой.

— Зачем ты пришёл? — прошептала я, и голос снова дрогнул. — Чтобы добить?

Марк прислонился плечом к стене, скрестив руки на груди. Он ждал, пока я вытираюсь, и не предлагал подняться. Я тоже не просила руки.

— Унижение было спектаклем для публики, Алиса, — сказал он, даже не опустив глаза на мои колени. — Для них ты мёртвая. Для меня... ты интересная загадка. Ты первая за пять лет, кто посмел смотреть мне в глаза, когда я врал. Ты видела цифры. Ты поняла, что манипуляция грубая. Почему ты не вышла сразу? Почему стала свидетелем, а не участником?

Спектакль. У меня до сих пор болели колени, а у него это называлось спектаклем. Значит, теперь ему что-то понадобилось. Моё знание? Молчание? Я опустила сумку к ногам, вытерла щёку его платком и стала слушать — не верить, слушать.

— Я... я не знаю, — выдавила я.

— Знаешь, — отрезал он. Он выпрямился. Лампа осталась за его плечом. Я видела только подбородок и воротник. — Но это не важно сейчас. Важно другое.

Марк наклонился. Я напряглась, ожидая удара, но он лишь просунул руку под мою сумку, лежавшую на полу, и положил что-то рядом с ней. Маленький, блестящий предмет.

Ключ. Старый, латунный ключ от служебного входа в архив академии.

Он выпрямился, поправив манжету рубашки.

— Если хочешь доказать, что ты не крыса, принеси мне завтра утром то, чего они боятся больше всего. Оригинальные протоколы операции «Кардинал». Те самые, которые мой отец приказал уничтожить, но забыл сделать это правильно.

Я смотрела на ключ, потом на него.

— А если нет?

Марк улыбнулся. Он чуть наклонил голову — так же, как перед тем, как включить запись.

— Тогда я сам скажу отцу, что ты пыталась меня изнасиловать в коридоре. И никто не поверит твоему слову против слова сына декана.

Свет в туалете мигнул и погас. Темнота окутала нас обоих, плотная и давящая. Только тусклый аварийный свет из щели под дверью рисовал силуэт Марка.

Я подняла ключ. Можно бросить его Марку под ноги. На секунду я даже разжала пальцы. Но завтра мне всё равно потребуется попасть на практику, потом — куда-то вернуться на ночь. Он знал это. Поэтому и положил ключ рядом с моей сумкой, а не оставил у себя.

Я сжала ключ в руке. Бородка вдавилась в кожу, когда я стиснула его.

— Уходи, — сказала я в темноту.

Шаги Марка удалились. Щелчок замка внешней двери. Тишина.

Я выждала, пока шаги стихнут за внешней дверью. Потом поднялась, придерживая колено, и положила ключ в боковой карман сумки. Там раньше была ручка. Теперь я почему-то думала об этой пустой петле для ручки чаще, чем о Марке.

Глава 3

Я сидела в библиотеке в куртке. Подкладка пахла сыростью, но снять её не могла: осталась в кофте, и Ирина Сергеевна решит, что я устроилась надолго. Часы над входом в читальный зал показывали 21:58. Две минуты до закрытия. В общежитие меня уже не пускали, а в архиве замок сменили: выданный Марком ключ провернулся впустую. Протоколов «Кардинала» я не достала. Утром он бросил: «Пока забудь», — и ушёл, даже не забрав ключ.

— Алиса Верес. Выходим.

Ирина Сергеевна не повысила голоса. Она уже собрала сумку, выключила настольную лампу и проверила часы. Ей оставалось выгнать меня и закрыть дверь. Я для неё была последним пунктом перед поездкой домой, а у меня дома на сегодня не было.

— Ирина Сергеевна, — начала я, придерживая сумку на коленях. — Мне некуда идти. Общежитие... там возникли технические проблемы с моим договором. Я просто посижу здесь до утра. Это безопасно. Я буду тихой мышкой. Клянусь.

Она посмотрела на сумку. На халат, торчащий из-под клапана. Я надеялась: узнает свою студентку, вспомнит, сколько раз я помогала искать нужный том. Но она только постучала ногтем по часам.

— У нас нет приюта для бродяжек, Верес. Правила академии строги. Либо вы покидаете здание сейчас, либо я вызываю охрану, и это попадёт в ваше личное дело как нарушение режима. Вы же хотите остаться в академии?

Бродяжка. Я ведь вчера ещё вставала в своей комнате, искала чистые носки под кроватью. Каким образом за один день получилась бродяжка? Пришлось встать. Докладную о ночёвке на чужом стуле декан охотно добавит к записи Марка. Если уходить совсем, надо как-то пережить ноябрьскую ночь. У меня ни на гостиницу, ни на такси не было денег.

— Хорошо, — выдавила я. — Я уйду.

В коридоре задержалась у расписания: будто читаю. Ирина Сергеевна прошла к выходу, не обернувшись. Когда щёлкнул замок, я вернулась к старым подшивкам медицинских журналов. За стеллажами оставался технический закуток; туда редко заходили, разве что электрик. Сдвинула сумку в пыльный угол и проверила, не видно ли её с прохода.

От бетонного пола тянуло холодом. Зато между стеллажом и стеной хватало места вытянуть ноги. Я уже выбирала место для сна, стараясь об этом не думать.

Примерно через полчаса охранник пошёл между стеллажами. Он светил фонарём по верхним полкам, проверял окна. Я втянула ступни под себя — белая полоска на подошве могла отразить свет. Хуже всего было представить, как он обнаружит меня на полу и позовёт Ирину Сергеевну обратно. Ей разве недостаточно было назвать меня бродяжкой?

«Контроль», — напомнила я себе. Как на практике: сначала успокой руки, потом берись за инструмент. Сейчас главное — не всхлипнуть, пока охранник не прошёл мимо.

Я прижалась спиной к холодной стене, закрыв рот ладонью. Тень охранника прошла в метре от меня. Он хмыкнул, что-то пробормотав себе под нос, и шагнул дальше. Шаги отдались к лестнице. Я высунула руку из-под куртки и растёрла онемевшие пальцы. Я свернулась калачиком на жестком полу, натянув куртку повыше, и попыталась уснуть, слушая, как за стенкой гудит вентиляция. Сон не шёл. Приходили мысли о том, как Кира Славина будет смеяться, увидев меня утром. Что скажет Марк, если меня выведет охранник. Как я возьму тетрадь, а из неё на стол посыплется библиотечная пыль. Эту пыль я уже пыталась стряхнуть с рукава в темноте.

На рассвете затекла нога. Я встала, упёрлась в стеллаж и подождала, пока стопа снова начнёт чувствовать пол. Из библиотеки выбралась, когда пришли уборщицы: никто не спросил,

как рано я успела зайти. На главной аллее пришлось остановиться — яркий свет резал глаза после тёмного закутка. До деканата оставалось всего одно здание.

На главной аллее стояла группа студентов. В центре, конечно же, Кира. На светлом пальто Киры не было ни пылинки. Я вспомнила, что не проверила воротник куртки, и от этого потянулась к нему рукой.

— А вот и наша новая звезда, — протянула она, заметив меня. Она подождала, пока её соседка повернётся ко мне. — Крысы всегда выползают из щелей на рассвете, чтобы найти объедки. Ты выглядишь... аппетитно голодной, Алиса.

Вокруг раздался сдавленный смех. Кто-то ткнул пальцем в пятно пыли на моём рукаве.

За ночь я придумала ей десяток ответов. А утром стало жалко сил даже на один. Если Кира задержит меня разговором, в деканате начнётся приём и опять придётся ждать. Я прошла мимо, не поднимая головы. Они засмеялись уже за спиной. Хоть смотреть на них не надо.

Секретарь в деканате перебирала списки заселённых. Я назвала фамилию. Она прокрутила таблицу вниз и остановилась, не предложив сесть. Я стояла у стола, бережно разгружая правое колено.

— Место в общежитии №4 освобождено, — сухо сообщила она, глядя в монитор. — Заселена другая студентка. По указанию сверху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.